

Н. В. ЗАХАРОВ

Шекспиризм в русской литературе*

Освоение творческого наследия Шекспира по-разному происходило в национальных культурах англосаксонского мира и в неанглоязычных странах. Для большинства великих европейских культур, прежде всего Германии и Франции, характерен процесс постепенной шекспиризации национальных литератур. Подобным образом увлечение драмами Шекспира проявляется в немецкой предромантической драматургии, у штюрмеров, провозгласивших культ Шекспира¹. В свое время к изучению творчества Шекспира обращались Г. Э. Лессинг, Г. В. Герстенберг, И. Г. Гаманн, И. Г. Гердер, И. В. Гёте, Я. М. Р. Ленц, И. А. Лейзевиц, Ф. М. Клингер, Ф. И. Шиллер, братья А. В. и Ф. Шлегели, А. Тик. Подобные примеры освоения шекспировского наследия, но несколько позже и с меньшим размахом, чем в Германии, встречаются у поздних французских классицистов и романтиков: Вольтера, Ж. Ф. Эно, П.-Л. Дюбеллуа, Л.-С. Мерсье, В. Гюго, А. де Виньи, А. Дюма².

Произведения Шекспира стали одним из важнейших иноязычных источников формирования рус-

ской национальной культуры, что выразилось в появлении такого феномена, который мы обозначаем как «русский Шекспир». В России начиная с первых переделок шекспировских пьес («Гамлет» А. П. Сумарокова, 1748; «Виндзорские кумушки. Вот каково иметь корзину и белье» и незаконченное подражание «Тимону Афинскому» в комедии «Расточитель» Екатерины II, 1786) и переводов произведений Шекспира с французского, немецкого и позже английского языков («Юлий Цезарь» Н. М. Карамзина, 1787; переводы «Отелло, или Венецианский мавр» И. Вельяминова, 1808 и «Леар» Н. И. Гнедича, 1808; «Гамлет» М. Вронченко, 1828; «Отелло, мавр венецианский» С. Шевырева, 1828; «Макбет», перевод А. Ротчевым перевода Шиллера, 1830) сформировался свой взгляд на творчество мирового гения.

Впервые термин «шекспиризм» в русской критической мысли в середине XIX века ввел

П. В. Анненков. Ему же принадлежит первая работа, всецело посвященная проблеме влияния Шекспира на русского поэта (глава «Шекспиризм» в книге «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху»)³. Во многом именно потому, что своим возникновением этот термин обязан изучению заочного диалога Пушкина и Шекспира, отчасти потому, что именно за Пушкиным в русской культуре закрепилась репутация первого серьезного *шекспиролога*, понятие *шекспиризм* легче всего применяли к его творчеству⁴.

Несмотря на значительный объем критической литературы русских и зарубежных исследователей в осмыслении пушкинского шекспиризма до сих пор нет достаточной ясности. В основном выявлены очевидные следы присутствия Шекспира в пушкинских текстах: прокомментированы высказывания Пушкина о творчестве английского драматурга, упоминания его имени и имен его героев, использование шекспировских сюжетов и характеров, отмечена роль, которую оба гения сыграли в развитии национальных литературных языков, создателями которых в Англии был Шекспир, в России — Пушкин⁵. С другой стороны, несмотря на долгое существование и широкое распространение означенного термина в российском пушкиноведении и шекспироведении, исследователи не пытались определить понятие *шекспиризм* как таковое. Его использовали почти все выдающиеся исследователи, но без сколько-нибудь обстоятельной дефиниции⁶. Есть общие суждения на эту тему, но нет конкретизации самого определения. Это обстоятельство объясняется, на наш взгляд, тем, что данное понятие выходит за рамки традиционного научного дискурса.

Вполне возможно, что для отечественной культуры термин «шекспиризм» покажется не самым удачным словом, он маркирован множеством «измов», некоторые из которых приобрели в XX веке отрицательные коннотации. Однако понятие, которое задолго до этого ввел П. В. Анненков, достаточно точно (по аналогии с «байронизмом») характеризует мировоззренческую подопле-

ку пушкинского увлечения Шекспиром. Под «шекспиризмом» Пушкина и других отечественных писателей (прежде всего Ф. М. Достоевского) следует понимать художественно-эстетический комплекс идей, который характеризует шекспировское видение и понимание истории и современности, прошлого и будущего (собственно, это то, что Пушкин назвал «взглядом Шекспира», XIII, 159). Шекспиризм проявлялся в осознании художественных открытий английского драматурга, в осознании масштабности изображения происходящего, в накале и титанизме страстей, в концепции человека и истории, в осмыслении роли случая в истории, в смешении стилей, совместимого и несовместимого, прозы и стиха и т. п.

О пушкинском увлечении великим английским драматургом начали писать современники русского поэта, для которых этот вопрос уже тогда представлял огромный интерес. Публикация рукописного наследия Пушкина позволила определить, в каком объеме поэт был знаком с Шекспиром и с критической литературой о нем. Уже в прижизненной критике Пушкина подчас сравнивали с Шекспиром, который был критерием эстетического совершенства и художественного мастерства⁷. В дальнейшем изучением пушкинского «шекспиризма» занимались многие исследователи⁸.

Шекспиризм поэта не был простым следствием литературной моды. Его, казалось бы, тривиальные литературные увлечения привели к осознанию духовных и художественных откровений гения. Из чисто литературной установки шекспиризм перерос в мировоззренческую идею Пушкина. Именно под влиянием Шекспира Пушкин вырабатывает зрелый взгляд на историю и народ.

Пушкин считал Шекспира романтиком, понимая под «истинным романтизмом» прежде всего искусство, соответствующее «духу века» и связанное с народом. Пушкин стремился развить художественную систему Шекспира применительно к задачам своей эпохи. Главные черты шекспировской манеры он находил в объективности, в жизнен-

ной правде характеров и в «верном изображении времени». «По системе отца нашего Шекспира» Пушкин строил свою трагедию «Борис Годунов» (1825), выдвинув на первый план проблемы власти и ее отношения к народу. Использование открытий Шекспира в «Борисе Годунове» было в дальнейшем усвоено русской драматургией, особенно исторической, в частности, писателями-любомудрами М. П. Погодиным («Марфа, посадница новгородская», 1830) и А. С. Хомяковым («Дмитрий Самозванец», 1833).

Впоследствии шекспировские уроки воплотились в переложении Пушкиным пьесы «Мера за меру» в поэму «Анджело» (1833)⁹. Любопытно, что именно это произведение сам поэт оценивал как вершину своего творческого развития: «Наши критики не обратили внимания на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучшего я не написал»¹⁰. В этой поэме шекспиризм Пушкина достиг наивысшей точки своего эволюционного развития.

Наряду с термином «шекспиризм» в современном литературоведении часто используется такое понятие, как «шекспиризация». Под «шекспиризацией» исследователи чаще всего имеют в виду освоение творчества Шекспира мировой культурой. Значение термина «шекспиризация» как «принципа-процесса» раскрыто Вл. А. Луковым¹¹. Исследователь понимает термин как некий процесс, происходивший в русской и мировой культуре, который характеризует, с одной стороны, интерес к наследию Шекспира, с особой силой проявившийся во второй половине XVIII века, с другой — то воздействие, которое творчество английского драматурга оказало на литературу, музыку, изобразительное искусство, театр и кинематограф в дальнейшем.

В русской литературе *шекспиризация* проявилась несколько позже, нежели в западноевропейских литературах. Наиболее характерно эта традиция выразилась в повести И. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» из цикла «Записки охотника» (1847–1852) и в рассказе Н. С. Лескова «Леди Мак-

бет Мценского уезда» (1865). В этих произведениях отразились тенденции, схожие с теми, что имели место в немецкой и французской литературах. Но все же специфику освоения шекспировского наследия в отечественной художественной культуре точнее всего характеризует понятие «шекспиризм». Если процесс шекспиризации предполагает прежде всего включение в национальное культурное пространство шекспировских тем, образов, сюжетов и мотивов, то шекспиризм характеризует восприятие и усвоение идейной, мировоззренческой стороны творчества самого Шекспира, его видения и понимания истории и современности, прошлого и будущего. Собственно, это и есть то, что Пушкин назвал «взглядом Шекспира», что подразумевает творческое усвоение художественных открытий Шекспира (его концепции характеров, концепции истории, следование смешению стилей и т. п.), которые русские авторы реализовали в своем творчестве. Такой подход проявляется не столько во внешних признаках влияния английского драматурга, в использовании его «слов и образов», сколько в проникновенном родстве Шекспира и его русских последователей.

Именно шекспиризм создал предпосылки для освоения отечественной культурой высочайших образцов европейской литературы. Ориентирами этого освоения для русской литературы стали художественные открытия Пушкина и Достоевского.

Концептуальное осмысление шекспиризма, позволяет объяснить парадокс, связанный с А. Н. Толстым, который выразил свое пренебрежительное отношение, и, казалось бы, полное непонимание творчества английского драматурга в погромной статье «О Шекспире»¹². Критике Толстого подверглась внешняя сторона шекспировского наследия — образы, сюжеты, поэтика шекспировских произведений, все то, что можно отнести к сфере шекспиризации как к процессу. Но, сам того не замечая, своим творчеством Толстой явил пример одного из высших воплощений русского шекспиризма, который отразился в масштабности мировидения, кон-

цепции истории, стратегии шекспировского художественного мышления — всего того, что необходимо отнести к шекспиризму как комплексу мировоззренческих идей. Такое понимание снимает множество противоречий, связанных с попыткой объяснить досужее мнение о том, что Толстой, со всей основательностью помногу и подолгу читавший Шекспира, в силу каких-то непостижимых причин так и не смог воспринять его уроков.

С «шекспиризацией» и «шекспиризмом» связано такое явление, как «культ Шекспира». Провокационно звучащее для русского уха словосочетание на самом деле представляет собой «новый этап, когда от поклонения Шекспиру европейцы перешли к его глубокому научному изучению»¹³. «Культ Шекспира» создает ситуацию, при которой можно разграничить процесс «шекспиризации» и «шекспиризм», ставший неотъемлемой частью именно русской культуры.

Таким образом, усвоение русской литературой XIX века художественных открытий Шекспира проявилось в двух основных тенденциях — «шекспиризации» и «шекспиризме»: для большинства русских писателей шекспиризация выразилась в подражании образцам, освоении тем, образов, мотивов, сюжетов — одним словом, поэтики гениального британца; для Пушкина и Достоевского и нескольких избранных увлечение Шекспиром выразилось в конгениальном развитии шекспировской традиции. Именно идея шекспиризма придала особое значение русской литературе в общем процессе освоения художественных открытий Шекспира мировой культурой XVIII–XIX веков. Русский шекспиризм стал самобытным явлением, характеризующим освоение творческого наследия Шекспира в рамках иного культурного тезауруса.

¹ Раскрыто в работах: Луков Вл. А. Культ Шекспира: введение в исследование // Шекспировские штудии II: «Русский Шекспир»: Исследования и материалы научного семинара, 26 апреля 2006 г. / Отв. ред. Вл. А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. С. 3–

11; Он же. Культ Шекспира: тезаурусный анализ понятия // Литература Великобритании и романский мир: Тезисы докладов Международной науч. конференции и XVI съезда англистов 19–22 сентября 2006 года. Великий Новгород: НовГУ, 2006. С. 81–82; Он же. Культ Шекспира как научная проблема // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2006. № 2. С. 70–72; Он же. Культ писателя: формирование научного понятия в современной культуре // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 4 / Отв. ред. Вл. А. Луков. М., 2006. С. 49–57.

² О романтическом культе Шекспира см.: Davidhazi P. The Romantic Cult of Shakespeare: Literary Reception in Anthropological Perspective. St. Martin's Press, 1998; Bate J. The Romantics on Shakespeare. London: Penguin, 1992.

³ Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. VIII. Шекспиризм // Вестник Европы. 1874. Кн. 2. С. 532–537. Отд. изд.: СПб., 1874. С. 293–300. Современное изд.: Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. С. 205–210.

⁴ Еще ранее, но не употребляя термина «шекспиризм», о творческом освоении Пушкиным наследия Шекспира писал в цикле «Статей о Пушкине» В. Г. Белинский.

⁵ Ср.: «Его (Шекспира. — Н. З.) язык соотносится с дошекспировской порой, как язык Пушкина - с допушкинской (в границах своих национальных литератур эпохальное значение этих классиков вполне сопоставимо)». Са-руханян А. П. Введение // Английская литература XX века и наследие Шекспира. М.: Наследие, 1997. С. 6.

⁶ См.: Белецкий А. И. Из история шекспиризма. Теофиль Готье о комедиях Шекспира. Харьков, 1916; То же: Записки Харьковского ун-та, 1916, кн. 2–3. С. 7–19; То же: Труды. Т. 5. Зарубіжні літератури. Киев, 1966. С. 371–391 (ст. на рус. языке); Сакулин П. Н. Н. Карамзин о Шекспире, «шекспиризм» в «Борисе Годунове» и «Выстреле» // Русская литература. Социолого-синтетический обзор русских стилей. Ч. 2. М.: Гос. Акад. худож. наук, 1929. С. 325–326, 461–464, 545; Мешкова И. В. Шек-

спиритизм драматургии Виктора Гюго 20-х годов XIX века // Материалы X науч. конф. литературоведов Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 194–198; Сретенский Н. Шекспиризм Байрона в «Дон-Жуане» // Ученые записки ф-та языка и лит-ры Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та. Ростов н/Д, 1938. Т. I. С. 159–184; Ливанова Т. Н., Протопопов В. В. Ф. Кони о «шекспиризме» Моцарта // Оперная критика в России. Т. 1. Вып. 1. М., Музыка, 1966. С. 135; Жаравина Л. В. Шекспиризм Гоголя: (К постановке проблемы) // Литературно-критические опыты и наблюдения: Вопросы рус. яз. и литературы. Кишинев, 1982. С. 3–12; Вольперт Л. Психологизм ранней прозы Стендаля и Пушкина («Арманс» и «Арап Петра Великого») // Теоретические и практические вопросы взаимодействия литератур: Труды по ром.-герм. филологии. Литературоведение. Тарту, 1983. С. 37–40; Она же. «Шекспиризм» Пушкина и Стендаля. («Арап Петра Великого» и «Арманс») // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 56–66.

⁷ См., например, сравнения Пушкина с Шекспиром в отзывах барона Е. Ф. Розена, Фарнгаген-фон-Энзе, Г. Раича, В. Белинского и др. в упомянутом выше обзоре С. С. Трубачева.

⁸ См.: Чуйко В. Шекспир и Пушкин // Отклик. СПб., 1881. С. 194–233; Тимофеев С. Шекспир и Пушкин // Дело. 1886. №5. С. 231–252; Покровский М. М. Шекспиризм Пушкина // Пушкин. Сочинения. Т. IV. СПб.: Изд. Брокгауз и Ефрон, 1910. С. 1–20; Спасский Ю. Пушкин и Шекспир // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1937. №2–3, С. 413–430; Боброва М. Н. К вопросу о влиянии Шекспира в трагедии Пушкина «Борис Годунов» // Литература в школе. 1939. №2. С. 69–80; Урнов Д. М. Пушкин и Шекспир (1830-е гг.): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1966; Урнов М. В., Урнов Д. М. Споры о Шекспире: Пушкин и Шекспир // Шекспир: Движение во времени. М.: Наука, 1968. С. 116–148; Левин Ю. Д. Некоторые вопросы шекспиризма Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. VII. Пушкин и мировая литература. М.-Л.: Наука, 1974. С. 59–85; Pokrowskij M. Puschkin und Shakespeare // Jahrbuch der Deut-

schen Shekespeare-Gesellschaft, Jg. XLIII, 1907. С. 169–209; Herford C. H. A Russian Shakespearean // Bulletin of John Rylands Library. 1925. Vol. IX, №2, P. 453–480; Gifford H. Shakespearean elements in «Boris Godunov» // Slavonic and East European review. 1947. Vol. XXVI, №66, P. 152–160; Lavrin J. Puskin and Russian Literature. London, 1947. P. 140–160; Kreft V. Puskin in Shakespeare. Ljubljana, 1952; Wolff T. A Shakespeare's influence on Pushkin's dramatic work // Shakespeare survey. 1952. Vol. V. P. 93–105. О влиянии Шекспира на Пушкина также писали: Стороженко Н. Отношение Пушкина к иностранной словесности // Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880. С. 223–227; Тимофеев С. Влияние Шекспира на русскую драму. Историко-критический этюд. М., 1887. С. 50–83; Козмин Н. Взгляд Пушкина на драму. СПб., 1900. С. 13–14, 19–40; Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. III. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1937. С. 66–103; Позов А. Метафизика Пушкина. М.: Наследие, 1998. С. 97–119. О шекспиризме Пушкина говорилось в работах о «Борисе Годунове»: Винокур Г. О. Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М.: Лабиринт, «Брандес», 1999 (ранее: Винокур Г. О. Комментарий к «Борису Годунову» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. VII. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 385–505); Городецкий Б. П. «Борис Годунов» в творчестве Пушкина // «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Сб. статей / Под общ. ред. К. Н. Державина. Л., 1936. С. 20–26; Верховский Н. П. Западноевропейская историческая драма и «Борис Годунов» Пушкина // Западный сборник. Т. I. / В. М. Жирмунский. (ред.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 187–226; Арденс Н. Н. «Шекспиризм» Пушкина // Драматургия и театр А. С. Пушкина. М.: Сов. писатель, 1939. С. 135–146; Загорский М. Пушкин и театр. СПб.: Искусство, 1940. С. 126–127, 244–248; Бонди С. М. Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX в. // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Сб. науч.-исслед. работ. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 365–391; Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина. М.-Л.: Изд. АН СССР,

1953. С. 93-97; Он же: Трагедия Пушкина «Борис Годунов». Комментарий. Л.: Просвещение, 1969; Лотман Л. М. Комментарии к «Борису Годунову» // А. С. Пушкин «Борис Годунов», трагедия. Предисловие, подготовка текста, статья «Творческая история пьесы» С. А. Фомичева. СПб.: Академический проект, 1996; Ронен И. Смысловой строй трагедии Пушкина «Борис Годунов». М.: ИЦ-Грант, 1997; и др. Наиболее обстоятельный и глубокий обзор эволюции пушкинского отношения к Шекспиру представлен в работе: Алексеев М. П. Пушкин и Шекспир. // Пушкин: Сравнит.-историч. исследования. Л.: Наука, 1972. С. 240–280.

⁹ Любопытно, что именно это произведение сам поэт оценивал как вершину своего творчества: «Наши критики не обратили внимания на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучшего я не написал» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 1–2 т. СПб.: Академический проект. 1998. Т. 2. С. 233).

¹⁰ Там же.

¹¹ Раскрыто в работах: Луков Вл. А. «Шекспиризация» как принцип-процесс // XV Пушкинские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сб. статей и материалов. М, 2003. С. 155–157; Он же: Шекспиризация // Компаративистика: Современная теория и практика: Междунар. науч. конференция и XIV Съезд англистов (13–15 сентября 2004 г.): В 2 т. Самара, 2004. Т. 2. С. 388–403; Он же: Шекспиризация (к теории и истории принципов-процессов) // Шекспировские штудии: Трагедия «Гамлет»: Материалы науч. семинара, 23 апреля 2005 г. / Моск. гуманит. ун-т, Ин-т гуманит. исследований. М., 2005. С. 3–20; Он же: Предромантизм. М., 2006. С. 60–62.

¹² Толстой Л. Н. О Шекспире и о драме // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 258–314.

¹³ Луков Вл. А. Культ Шекспира как научная проблема // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2006. №2. С. 70.